

А.М. Ранчин

**«РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЗВЕЗДА» БРОДСКОГО
И «ЗИМНЯЯ НОЧЬ» ПАСТЕРНАКА**

Аннотация. В статье рассматривается стихотворение Б. Пастернака «Зимняя ночь» как претекст «Рождественской звезды» И. Бродского. «Зимняя ночь» анализируется и интерпретируется в контексте романа «Доктор Живаго». Показано, что в «Зимней ночи» содержатся рождественские мотивы, а свеча соотнесена с Вифлеемской звездой. Рассматривается мотив метели у обоих поэтов. Исследуется механизм рецепции стихотворения Пастернака Бродским. Демонстрируется, что, в отличие от Пастернака, Бродский трактует тему Рождества в соответствии с инвариантным мотивом своей поэзии – мотивом одиночества.

Ключевые слова: И. Бродский; «Рождественская звезда»; Б. Пастернак; «Зимняя ночь»; претекст; Рождество; мотивы; символика.

Ranchin A.M. The «Christmas Star» by J. Brodsky and B. Pasternak's poem «Winter Night»

Summary. The article discusses B. Pasternak's poem «Winter Night» as a pretext of the «Christmas Star» by J. Brodsky. «Winter Night» is analyzed and interpreted in the context of the novel «Doctor Zhivago». It is shown that «Winter Night» contains Christmas motifs, and the candle is correlated with the Star of Bethlehem. The motif of a blizzard in both poets is considered. The mechanism of reception of Pasternak's poem by Brodsky is investigated. It is demonstrated that, unlike Pasternak, Brodsky interprets the theme of Christmas in accordance with the invariant motif of his poetry – the motif of loneliness.

Keywords: J. Brodsky; «Christmas Star»; B. Pasternak; «Winter Night»; pretext; Christmas; motifs; symbolism.

О пастернаковской «Зимней ночи» как о претексте «Рождественской звезды» Бродского я однажды уже упоминал¹. Эта параллель вызвала несогласие Льва Лосева, комментатора и одного из лучших исследователей поэзии Бродского: «Бродский действительно любил это стихотворение Пастернака и включил его в рекомендательные списки для своих студентов, однако <...> отмеченное Ранчиным лексическое совпадение (“Мело, мело по всей земле...”) в “Зимней ночи” Пастернака – “мело, как только в пустыне может зимой мести” (у Бродского) не слишком существенно².

Основанием для признания «Зимней ночи» претекстом (и, соответственно, подтекстом) стихотворения Бродского в действительности является не только совпадение лексемы *мело*. Чтобы сближение двух поэтических текстов было более убедительным, очевидно, необходимо усилить и развернуть аргументацию. Сопоставление двух стихотворений, как представляется, позволит отчасти по-новому взглянуть на стихотворение Пастернака и описать особенности его поэтики. Для большей наглядности сопоставления привожу тексты обоих произведений.

Зимняя ночь

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Как летом роем мошара
Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.

Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На озаренный потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.

И падали два башмачка
Со стуком на пол.
И воск слезами с ночника
На платье капал.

И все терялось в снежной мгле
Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздыхал, как ангел, два крыла
Крестообразно.

Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела³.

Рождественская звезда

В холодную пору, в местности, привычной скорей к жаре,
чем к холоду, к плоской поверхности более, чем к горе,
младенец родился в пещере, чтоб мир спасти:
мело, как только в пустыне может зимой мести.

Ему все казалось огромным: грудь матери, желтый пар
из воловьих ноздрей, волхвы – Балтазар, Гаспар,
Мельхиор; их подарки, втащенные сюда.
Он был всего лишь точкой. И точкой была звезда.

Внимательно, не мигая, сквозь редкие облака,
на лежащего в яслях ребенка издалека,
из глубины Вселенной, с другого ее конца,
звезда смотрела в пещеру. И это был взгляд отца⁴.

«Зимняя ночь» – стихотворение действительно «зимнее», метель – его сквозной образ. «Рождественская звезда» – тоже «зимнее» стихотворение, что естественно. Но в нем упоминается метель в палестинской пустыне, что уже весьма необычно: в евангельском сюжете ни о каком снеге и вьюге не говорится, снегопады в окрестностях Вифлеема – явление очень редкое⁵. Таким образом, само упоминание о метели в ночь Рождества Христова под Вифлеемом можно считать метатекстовым элементом – знаком интертекстуальной отсылки. Правда, можно предположить, что в пустыне может *мести* не только снегом, но и (что более обычно) песком, а холодной допустимо назвать ветреную погоду даже при плюсовой температуре. В «Колыбельной» (1993), другом рождественском стихотворении Бродского, *стужа* и *зима* пустыни, по видимому, не ассоциируются со снегом, но упомянут *песок*: «В ней зимой / стужи больше, чем пространства / в ней самой. <...> У тебя для игр ребячьих – / весь песок»⁶. А в рождественском стихотворении «Бегство в Египет (2)» (1995) прямо сказано о песчаной метели в пустыне: «Снаружи молала песок метель»⁷.

Однако в «Рождественской звезде» и выражение «холодная местность», и слово «зима» рядом с лексемой «мело» при отсутствии пояснения, что это не песчаная буря, побуждают русскоязычного читателя – уроженца Советского Союза, который является главным адресатом поэзии Бродского, – видеть именно упоминание о снежной метели, о вьюге. По крайней мере, если и не признавать, что в стихотворении прямо говорится о гонимом ветром снеге, поэт не мог не учитывать ассоциации с вьюгой.

В двух стихотворениях совпадает не только лексема *мело*, но и указание на простор, на широкое пространство, в котором разыгралась метель. У Пастернака это весь земной мир («по всей земле»). Нарушение пространственных пропорций, совмещение вселенского и присущего лирическому *я* – прием, отличительный для поэта (ср.: «И через дорогу за тын перейти / Нельзя, не топча мирозданья» – «Степь»⁸), проявляющийся в отождествлении мас-

штабов всей земли и комнаты со свечой на столе. У Бродского это пустыня, причем соотносятся микромир Младенца и мегамир космоса.

На этом как будто бы совпадения заканчиваются. Но на самом деле это не так. Стихотворение Бродского – рождественское, написано оно было в сочельник западного Рождества, 24 декабря 1987 г., один из самых важных образов в нем – рождественская (Вифлеемская) звезда. Стихотворение Пастернака – тоже рождественское, и в нем тоже присутствует («мерцает») образ звезды.

Последнее утверждение может показаться абсурдным: время (хотя и предельно растянутое или остановившееся – метель длится не одну ночь, а целый месяц) в «Зимней ночи» – не декабрь или начало января, а февраль («Мело весь месяц в феврале»), а звезды в нем нет и в помине. Однако в действительности всё намного сложнее: сквозь февраль здесь как бы просвечивает время Рождества, память о нем. Нужно помнить, что это не «прямое» стихотворение Пастернака: оно приписано автором Юрию Живаго, герою одноименного романа. Создание стихотворения навеяно давним воспоминанием из юности персонажа, который по пути на новогоднюю (*рождественскую*) елку к Свентицким видит свечу в окне еще незнакомой ему Лары (точнее, в окне комнаты Антипова, где находилась Лариса) – будущей возлюбленной, с появлением которой в жизни Юрия и связана «Зимняя ночь». Приведем цитату, которая будет по необходимости пространной: «Юра смотрел по сторонам и видел то же самое, что незадолго до него попадалось на глаза Ларе. Их сани поднимали неестественно громкий шум, пробуждавший неестественно долгий отзвук под обледенелыми деревьями в садах и на бульварах. Светящиеся изнутри и заиндевелые окна домов походили на драгоценные ларцы из дымчатого слоистого топаза. Внутри них теплилась святочная жизнь Москвы, горели елки, толпились гости и играли в прятки и колечко дурачащиеся ряженые. Вдруг Юра подумал, что Блок – это явление Рождества во всех областях русской жизни, в северном городском быту и в новейшей литературе, под звездным небом современной улицы и вокруг зажженной елки в гостиной нынешнего века. Он подумал, что никакой статьи о Блоке не надо, а просто надо написать русское поклонение волхвов, как у голландцев, с морозом, волками и темным еловым лесом. Они проезжали по Камергер-

скому. Юра обратил внимание на черную протаявшую скважину в ледяном наросте одного из окон. Сквозь эту скважину просвечивал огонь свечи, проникавший на улицу почти с сознательностью взгляда, точно пламя подсматривало за едущими и кого-то поджидало. “Свеча горела на столе. Свеча горела...” – шептал Юра про себя начало чего-то смутного, неоформившегося, в надежде, что продолжение придет само собой, без принуждения. Оно не приходило» (Первая книга. Часть третья. Елка у Свентицких. Глава 10)⁹.

На соотнесенность «Зимней ночи» с рождественскими мотивами указал К.М. Поливанов, проанализировавший приведенный выше фрагмент романа: «Живаго предчувствует здесь свои будущие стихи – прежде всего, “Рождественскую звезду” и “Сказку” <...>. Но к ним дело не сводится: увидев огонь свечи в окне одного из домов Камергерского переулка (горит она в комнате Антипова, где в это время происходит его разговор с Ларой), Юра начинает шептать рефрен будущей “Зимней ночи” <...>. Не приходило “материальное” продолжение (конкретные строки), но продолжение главное уже незримо для героя пришло. Юра пока не может понять, что мерцающая в “блоковской” (и рождественской, и – что не менее важно – городской) атмосфере свеча предсказывает ему не только вторую встречу с Ларой, но и все их последующие встречи (и расставания), вплоть до последней, посмертной, случившейся в той самой комнате, где сейчас горит свеча; все “судьбы скрещения”, “все яблоки, все золотые шары” и едва ли не все (сложно друг с другом соотносящиеся) “Стихотворения Юрия Живаго”»¹⁰.

Итак, налицо связь стихотворного текста с биографией героя-поэта – связь рождественских впечатлений вымышленного автора «Зимней ночи» (размышления о теме Рождества и поэзии Блока, о праздновании Рождества, о святочных ряженных, впечатления от свечи в окне) с приписанным ему стихотворением. Таким образом, для Живаго и его создателя несомненны ассоциации между *свечой* в окне Лары и *рождественской звездой*. Между прочим, сравнение звезды со свечой содержится в одном из классических, хрестоматийных произведений русской литературы – тургеневском рассказе «Бежин луг»: «К вечеру эти облака исчезают; последние из них, черноватые и неопределенные, как дым, ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца; на месте, где оно закатилось так же спокойно, как спокойно взошло на небо,

алое сиянье стоит недолгое время над потемневшей землей, и, тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплится на нем вечерняя звезда»¹¹.

Но связь с Рождеством присутствует в стихотворении Пастернака и иначе: она символически выражена, эксплицирована в нескольких деталях текста «Зимней ночи», которые прямо отсылают к календарно-ритуальному контексту праздника. Эти детали – падающие *башмачки* и капающий с ночника *воск*: «И падали два башмачка / Со стуком на пол. / И воск слезами с ночника / На платье капал». Бросание башмачка (носок должен был указывать на сторону, где обитает жених) и топление воска (форма, которую он примет, должна указать на события будущего) – гадания, совершавшиеся на Святках, в период от Рождества до Крещения, описаны в таком известном тексте, как «Светлана» Жуковского:

Раз в крещенский вечерок
 Девушки гадали:
 За ворота башмачок,
 Сняв с ноги, бросали;
 Снег пололи; под окном
 Слушали; кормили
 Счетным курицу зерном;
 Ярый воск топили...¹²

Свидание Юрия с Ларой, подразумеваемое в стихотворении Пастернака, – это своеобразное гадание о судьбе, о ее «скрещеньях», о ее вихрях и смертях¹³.

Размышления молодого Юрия, едущего на елку к Свентицким, о Блоке, как и свеча в окне, и рождественская тема, тоже соотносятся с образностью и мотивами «Зимней ночи». Как показал К.М. Поливанов, Блок – один из прототипов самого Живаго-поэта¹⁴. Если развить это сопоставление, то Лара будет вариацией блоковской Прекрасной Дамы и ее философско-литературного прототипа – Вечной Женственности. Метель из «Зимней ночи» – отчетливо блоковская: как и у автора «Снежной маски» и «Двенадцати», она символизирует, с одной стороны, смятение души и / или страсть, с другой – стихию революции. Примеры первого рода: «По улицам метель метет...» – первая строка стихотворения

без названия из цикла «Фаина»; стихотворения «Сердце предано метели» (здесь содержится метафора-оксюморон *костер метели*), «На зов метелей», «Настигнутый метелью», «Второе крещение» («Открыли дверь мою метели...») из цикла «Снежная маска». Пример второго рода – поэма «Двенадцать»:

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер
На всем Божьем свете!» (Первая глава)¹⁵.

Несколько раз упоминается вьюга:

Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой, вьюга, ой, вьюга! (Десятая глава)¹⁶.

Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах... (Двенадцатая глава)¹⁷.

И за вьюгой невидим,
И от пули неврeдим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз
Впереди – Иисус Христос. (Двенадцатая глава)¹⁸.

Как прекрасно показал Е.Г. Эткинд, в «Двенадцати» вьюга, ветер являются сквозным символом и доминантным композиционным элементом¹⁹. Для сближения «Зимней ночи» с поэмой Блока может быть важно, что действие поэмы «Двенадцать» происходит накануне открытия и разгона Учредительного собрания – т.е. в дни *Святок* 1918 г.²⁰

На более глубоком уровне связь «Зимней ночи» с темой Рождества поддерживается трактовкой любви как «второго рождения», хотя оценка страсти оказывается неоднозначной: с одной стороны, она «подымает ввысь», возносит над земным миром

(герой и его возлюбленная должны парить над свечой, если тени ложатся «на озаренный потолок»), с другой – в доме, видимо, провал в углу вместо ожидаемой иконы, откуда сквозит, а их незаконная любовь – «жар соблазна», впрочем уподобленный ангелу. Вместе с тем любовь и благословенна, и смертоносна (*крестообразно* вздетые крылья – благословение и напоминание о Распятии).

Многоуровневая, со сложно зашифрованным смыслом «Зимняя ночь» созвучна символистской поэтике, прежде всего блоковской, как близок к символизму и весь роман «Юрий Живаго» – настолько, что автор популярной биографии Пастернака, пишущий о его «символистском мировосприятии», утверждает – слишком категорично, но во многом справедливо: «“Доктор Живаго” – символистский роман, написанный после символизма»²¹. «Зимняя ночь» – одно из выразительных свидетельств, что декларацию самого поэта о «неслыханной простоте» («Волны»²²) его творчества начиная со «Второго рождения» ни в коем случае нельзя понимать «слишком» буквально.

Таким образом, для того чтобы считать «Зимнюю ночь» претекстом «Рождественской звезды» Бродского, есть основания намного бóльшие, чем простое совпадение слова *мело*. Стихотворение Бродского, как и роман Пастернака, в состав которого входит «Зимняя ночь», – о свете Рождества, о том, что почти две тысячи лет назад родился Тот, кто пришел в мир, «чтобы людей спасти». Между прочим, у раннего Бродского в «Большой элегии Джону Донну» встречается метафорическое именование Бога, видимого из безмерного далека как *свет в окне* – очевидно, от свечи: «Господь оттуда – только свет в окне / туманной ночью в самом дальнем доме»²³, а в «Рождественской звезде» Его взгляд будет увиден как *звезда*. Это аналог сближению в «Докторе Живаго», в том числе в «Зимней ночи», свечи и звезды (неназванной, но подразумеваемой самой сущностью темы Рождества) с мотивом присутствия Бога.

На этом, однако, сходство заканчивается. Пастернак пишет о союзе двоих, «о свойствах страсти», об обретенном, шатком, но несомненном, абсолютном в своей полноте счастье. Бродский – об одиночестве божественного Ребенка, о холоде бытия (метель в его «Рождественской звезде» отнюдь не символ любовной страсти). У Бродского эрос и христологическая тема разведены, разделены –

притом что в этом противопоставлении преимущества могут быть отданы любовной страсти: «Назорею б та страсть, / воистину бы воскрес!»²⁴. Если у Пастернака *свеча* – центр мира, то у Бродского звезда – «не от мира сего», это взгляд отца, отделенного от Сына бесконечной пустотой космоса. Отца так же одинокого, как и Сын²⁵.

Как сказано в «Колыбельной» – другом рождественском стихотворении поэта, написанном пять лет спустя:

Привыкай, сынок, к пустыне
как к судьбе.
Где б ты ни был, жить отныне
в ней тебе.

Я тебя кормила грудью.
А она
приучила взгляд к безлюдью,
им полна.

<...>

Привыкай, сынок, к пустыне.
Под ногой,
окромя нее, твердыни
нет другой.

<...>

Привыкай к пустыне, милый,
и к звезде,
люющей свет с такою силой
в ней везде,

будто лампу жжет, о сыне
в поздний час
вспомнив, тот, кто сам в пустыне
дольше нас²⁶.

Одиночество – инвариантный мотив поэзии Бродского – определяет тональность его рождественских стихов.

-
- ¹ Ранчин А. На пиру Мнемозины: Интертексты Бродского. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 58–59, 91–92.
  - ² Лосев Лев. Примечания // *Бродский И.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л.В. Лосева. СПб.: Издательство Пушкинского Дома: Издательство «Вита Нова», 2011. Т. 2. С. 422. (Новая библиотека поэта).
  - ³ Новый мир. 1988. № 4. С. 118–119 (первая публикация на родине романа «Доктор Живаго», в приложение к которому входит стихотворение).
  - ⁴ *Бродский И.* Стихотворения и поэмы. Т. 2. С. 113. В изданиях текста встречается разночтение – написание «Отца» с прописной буквы; ср., например: *Бродский И.* Сочинения: [в 7 т.] / Общ. ред.: Я.А Гордин; сост.: Г.Ф. Комаров. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 4. С. 10. Выбираю вариант написания со строчной, так как с эдической точки зрения издание, подготовленное Львом Лосевым, – наиболее авторитетное.
  - ⁵ По статистике, в декабре снегопад бывает в окрестностях Вифлеема всего лишь единожды; см.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Вифлеем> (дата обращения: 11.07.2020).
  - ⁶ *Бродский И.* Стихотворения и поэмы. Т. 2. С. 173.
  - ⁷ Там же. С. 227.
  - ⁸ *Пастернак Б.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л.А. Озерова. Л.: Советский писатель. Ленингр. отделение, 1977. С. 155. (Библиотека поэта. Малая серия. 3-е изд.). Ср. замечание А.Л. Якобсона: «Человек и мироздание даны в одном измерении» (*Якобсон А.* Лекции о Пастернаке // *Якобсон А.* Почва и судьба / Ред.-сост. М. Улановская, В. Фромер при участии А. Гелескула, Г. и М. Ефремовых. М.: Весть, 1992. С. 60).
  - ⁹ Новый мир. 1988. № 1. С. 56.
  - ¹⁰ *Поливанов К.М.* «Доктор Живаго» как исторический роман. Tartu: University of Tartu press, 2015. С. 179. (Dissertationes philologiae slavicae universitatis Tartuensis; 33).
  - ¹¹ *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1979. Т. 3: Записки охотника. 1847–1874. С. 86.
  - ¹² *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / Гл. ред. А.С. Янушкевич. М.: Языки русской культуры, 2008. Т. 3: Баллады / Сост. и ред. Н.Ж. Ветшева, Э.М. Жиликова. С. 31.
  - ¹³ Роман «Доктор Живаго» в целом строится на «скрещеньях», на случайных и / или провиденциальных пересечениях (или не-пересечениях) судеб героев; см. об этом: *Гаспаров Б.М.* Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Пастернака «Доктор Живаго» // *Гаспаров Б.М.* Литературные

- лейтмотивы: Очерки истории русской литературы XX века. М.: Наука: Издательская фирма «Восточная литература», 1993. С. 241–273.
- ¹⁴ *Поливанов К.М.* «Доктор Живаго» как исторический роман. С. 173–192.
- ¹⁵ *Блок А.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Наука, 1999. Т. 5: Стихотворения и поэмы (1917–1921). С. 7.
- ¹⁶ Там же. С. 18.
- ¹⁷ Там же. С. 19.
- ¹⁸ Там же. С. 20.
- ¹⁹ См.: *Эткинд Е.* «Демократия, опоясанная бурей: (О музыкально-поэтическом строении поэмы А. Блока «Двенадцать»)» (1971) // *Эткинд Е.* Форма как содержание: (Избранные статьи). Würzburg: Jail-verlag, 1977. С. 103–129.
- ²⁰ См. об этом: *Гаспаров Б.М.* Тема святочного карнавала в поэме А. Блока «Двенадцать» // *Гаспаров Б.М.* Литературные лейтмотивы. С. 7.
- ²¹ *Быков Д.* Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 565, 721. (Жизнь замечательных людей. Вып. 1239 [1039]). Насколько сложны скрытые в «Докторе Живаго» смыслы, показывает интерпретация романа И.П. Смирновым: *Смирнов И.П.* Роман тайн «Доктор Живаго». М.: Новое литературное обозрение, 1996. Некоторые истолкования И.П. Смирнова спорны, но это не меняет главного.
- ²² *Пастернак Б.* Стихотворения и поэмы. С. 280.
- ²³ *Бродский И.* Стихотворения и поэмы. Т. 1. С. 118.
- ²⁴ Там же. С. 410. Как исключение можно рассматривать «фигуру в платке» (там же, с. 323) – несомненно, фигуру возлюбленной – в «24 декабря 1971 года», как бы замещающую Богоматерь. Однако в этом стихотворении нет никакого выражения любовной страсти.
- ²⁵ Разлученные Младенец и его Отец в автобиографическом плане соотносятся с самим поэтом и его сыном Андреем Басмановым. Ср. мотив разлуки с сыном в стихотворении «Одиссей Телемаку» и образ лирического я – постояльца, потерявшего сына, в «Лагуне». Отрицание этой «аллегорической» составляющей Т. Автухович, настаивающей только на метафизическом смысле «Рождественской звезды», на мой взгляд, несостоятельно; см.: *Автухович Т.* «Рождественская звезда» Бориса Пастернака и Иосифа Бродского: условный экфрасис как интерпретация евангельского сюжета // *Acta Universitatis Lodniensis. Folia literaria Rossica.* 2015. Т. 8. Р. 109. Ср. параллель между рождественским сюжетом и автобиографическим планом в «24 декабря 1971 года». «Аллегорией» «Рождественская звезда» при этом, конечно, не является: речь может идти только об аллюзиях и коннотациях.
- ²⁶ *Бродский И.* Стихотворения и поэмы. Т. 2. С. 173.